

ЖУРНАЛИСТСКИЕ РЕЛЬСЫ.

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПРОФЕССИИ ДВУХ ЖУРНАЛИСТОВ

Афанасьева В.

ФГБОУ ВО Тамбовский государственный университет имени Г.Р.

Державина

«Я не высаживала саженцы ели за свой счет и не эвакуировала из офисного здания людей во время пожара. Да и костюма с буквой S на груди нет», — разные вариации этой фразы с общим смыслом «я просто человек» можно услышать от каждого второго регионального журналиста. Ведь он уверен, что просто «делает свою работу». А так как той всегда слишком много, ему некогда задуматься над тем, что без него, такого совсем не супергероя, областной и региональной журналистики бы не существовало. Как маленькие винтики составляют единый организм любого механизма, так журналисты любой величины создают единое пространство СМИ на территории страны. О профессиональной жизни такого «винтика» студентке 3 курса Веронике Афанасьевой рассказала журналист информационно-развлекательного портала «Мегатюмень» Юлия Ганушевич.

Тут как в школе — с детьми работать нравится, а заполнять документацию и сталкиваться со всякими проблемами в процессе — нет. Но ты не съешь апельсин, если не почистишь его.

В: «Связать» себя с журналистикой было для тебя мечтой? В стиле: все вокруг мечтают быть кассирами, а я вот хочу стать тем самым надоедливym парнем из американского фильма. Или скорее практичным выбором?

О: Очень смутно представляю себе персонажа, который хочет быть кассиром или, например, проктологом. Уж больно это произаично для старшеклассника, не то, что журналистика, в которую через одного идут, чтобы «глаголом жечь сердца людей». В моем случае ни о какой романтизации профессии и речи не шло. Мой приход в эту сферу — не более чем воля случая: я семь лет шла к тому, чтобы стать переводчиком, а на последнем рубеже, перед поступлением в 11 класс, под давлением грядущих экзаменов, села и подумала: «А зачем мне это надо? Переводчиков полно. А я, вон, сочинения пишу, их читают одноклассникам, они закатывают глаза, это ли не признание. Пойду на журфак. В школе выжила, а тут, не смогу что ли?». Это был,

скорее, вызов самой себе — прийти на творческий конкурс в университет, не зная, что такое «заметка» и не провалиться. Ни тяги, ни адекватного понимания сферы СМИ в 17 лет у меня не было. Впрочем, как и у большинства других сверстников.

В: Если честно, примерно с таким же пониманием я шла на свой творческий конкурс три года назад. Потому что сказали готовиться к общественнознанию, но никак не к жанрам журналистики.

О: А иначе и не выйдет. Можно сколько угодно готовиться, реальное же положение дел все равно собьет с толку. Потому что у зеленой мелочи спрашивают такие вещи, на которые и спустя три года работы не сходу ответишь. Казалось бы, зачем.

В: К слову о том, кого полно на рынке труда. Нам даже на вступительных говорили, что журналистов и без вас хватает и большинство из них — безработные. Но, помню, ты не так давно писала в блоге о возмущениях редактора по поводу кадрового голода. Особенность региона? Или это чистые заморочки молодых журналистов, которые считают себя классными создателями «контента», слишком крутого для местных СМИ?

О: Нам на вступительных экзаменах сразу, буквально в лоб, сказали — не ловите здесь ничего. Ваш удел — если пройдете через эти четыре года, не разочаруетесь и даже пойдете работать по профессии - получать двадцатку и упухиваться как лошадь. С последним согласна. Не соврали.

Несмотря на то, что журфак — это далеко не так сложно, как, например, факультет физиков-теоретиков, но не все доползают до финиша. Это связано, в первую очередь, с разочарованием, когда ты такая «розовая фиалочка» пришла в университет, думая, что в худшем случае жизнь положишь на написание помпезных статей и сделаешь мир лучше, а в лучшем — переедешь за бугор, станешь «суперпупер» в СМИ и получишь Пулитцеровскую премию. Ни-че-го подобного. В реальности тебе постоянно говорят, что мест нет, ты никому не нужен, рынок вот-вот лопнет от того, сколько кадров, а поскольку их полно, получать ты будешь разве что на хлеб, масло и проезд на автобусе. Такое мало кого может замотивировать. Скажу честно, я сама, защитив диплом на довольно сложную тему (как сейчас помню эти круги ада), решила: «Все, с меня хватит этого барахла. Я не пойду в эту профессию». Но ровно через месяц меня зашвырнуло в одно крупное региональное издание и в процессе стало понятно - назад дороги нет. В штате было всего два человека: я и главный редактор. И такими силами мы делали СМИ, которое занимает второе место по региону. Такое реально, но очень изнурительно. А все дело в том, что кадровый коллапс оказался обыкновенным

мифом. Вернее, так: людей много, адекватных — дефицит. И, судя по тому, что я успела заметить, такая ситуация — сплошь и рядом.

К тому же нынешние поколения студентов-выпускников — это какой-то новый вид вырожденцев. Не все, разумеется, есть бриллианты, но, честно, их так мало и они так тихо прокладывают себе дорогу в профессию, что хочется сесть и поплакать по этому поводу.

В: Недавно ты сама столкнулась с начинающим журналистом...

О: Да, к нам часто приходят ребята на практику. Общий портрет таков: студент, который считает, что он знает больше практикующих журналистов. Человек, который учит главного редактора писать заголовки. Не стесняется высмеивать работающие, эффективные формы текстов. Не считает нужным соблюдать сроки сдачи материалов. Практика же, зачем морочиться, к чему это баловство. И так далее и тому подобное. Короче говоря, люди хотят прийти и показать всем свою звезду во лбу за баснословную зарплату, которую на первых порах молодому специалисту никто в своем уме платить не будет. В общем, это очень мрачная картина, — когда издание должно жить силами двух человек только потому, что ответственных и желающих развиваться специалистов днем с огнем не сыщешь. Это о молодежи. Старички уже давно освоили фриланс, пописывая то тут, то там. Они могут быть очень хороши, но они свободны, и в час ночи, например, в ультимативном порядке их из кровати не вытащишь. Не для того они выбрали фриланс.

В: Самое интересное, что они ни на практике, ни в течение учебного года не пытаются выработать навык, не пишут, но критикуют. Я была бы счастлива оказаться на практике у людей хоть немного заинтересованных, которые подсказывают и направляют. Но опыт подсказывает, что по большому счету никому практиканты не нужны. В лучшем случае — получишь задание в стиле «напиши про церковь», о которой не знает даже моя прабабушка, а из письменных свидетельств нет ровным счетом ничего.

О: Проблема заключается в том, что заинтересованным главредам не попадают заинтересованные практиканты. И наоборот. И пока ты перебираешь навоз в попытке отыскать розу, чтобы ухаживать за ней, дабы она цвела, но нарываешься только на навоз, руки опускаются. В связи с этим все практиканты и воспринимаются как зло, на которое тратить драгоценное время ни разу не хочется. И с каждым годом надежды все меньше, потому и требования уже элементарны и тупы как колено: грамотность, адекватность, ответственность. Все. Никто не ждет идеального человека, нужен просто человек, способный слушать, слышать, предлагать и не сдаваться, если

что-то пойдет не так. Таких людей главреды готовы на руках носить. Ну, или, по меньшей мере, направлять и чем-то помогать.

В: В продолжение о вредности профессии. Это, наверное, случается с каждым, вне зависимости от специальности и должности. И всё же, как часто минусы работы давят до той степени, что хочется всё бросить и уйти продавать шаурму? Возможно, даже прибыльнее выйдет...

О: В СМИ, по моим наблюдениям, каждый второй, если не первый, время от времени задумывается о том, что хочется встать и сказать как Ельцин: «Я устал. Я ухожу». В первый год, как я пришла работать в свое издание, за два месяца из штата газеты ушли три человека. Я сидела и не понимала, что людей может не устраивать. Мне казалось странным слышать о том, что один специалист увольняется, чтобы выспаться, второй — хочет больше проводить времени с семьей, а третий — хочет завести семью. Казалось бы, работай, спи, проводи время с семьей, заводи семью, никто же не мешает. Я была наивна.

Если работаешь хорошо, времени порой нет ни на что. Разве что на мысль: «Зачем мне это?». В такие моменты — у меня такое случается в праздники, ведь мы всегда работаем, и когда авралы нещадно душат — ты не думаешь о прибыли, о том, что шаурмой торговать и то выгоднее будет. Ты просто хочешь отключиться от инфоповестки, не знать, что, где и когда откроется, не быть в курсе всех подробностей резонансного преступления, не составлять план на будущую неделю, прикидывая, что из этого реально получится сделать, а что останется в столе. Ты просто хочешь поспать, не видя сны о том, как ты пишешь лид, подбирая нужные формулировки. У меня такое часто бывает. Иногда это сводит с ума. И те, для кого в профессии негатив перевешивает позитив, уходят. Некоторые навсегда, другие — отдохнут и вернуться. Все же с этой, журналистской, иглы тяжело слезть.

«Профессия тяжелая, но я не пожалела, что попробовала»

В: Становится как-то страшно, если честно, узнавать такие подробности профессии. Особенно когда вспоминаешь, что быстро подбирать слова — это не твоё. И что даже работа над небольшим материалом в рамках задания на паре затягивается часа на два. В связи с этим бытует мнение, что плохой журналист пишет по одному клише, хороший же — знает все клише и просто вовремя вставляет нужное. Действительно ли проще работать, когда в твоей голове уже сидит тысяча и одна проверенная временем фраза?

О: Учеба и сама журналистика — это, как говорится, две большие разницы. СМИ — это сфера, тренды в которой задаются чуть ли не каждые 2-3 месяца, а в университете ребятам рассказывают историю журналистики и прочее-прочее... Условно говоря, этой работе можно научиться только в процессе. Ну, если, конечно, к этому есть какая-то способность, а главное, интерес. А скорость на паре в университете — не показатель, я за четыре года ни разу ничего быстро не написала. Только на работе вошла во вкус, в процессе насобирала (и до сих пор этим занимаюсь) эдакий сборник фраз, к которым время от времени обращаюсь. Но, как правило, по ходу пьесы понимаю, нужно что-то новое вернуть или «и так сойдет».

Но без фраз-шаблонов в некоторых текстах, действительно, никак. Просто нужно не деревенеть и постоянно что-то менять. Так интереснее работать.

В: Мне кажется, если регулярно читать 3-4 СМИ, то в определенный момент понимаешь — вот они, эти фразы, из одного текста в другой кочуют, бери, пользуйся.

О: Опять же, смотря какие СМИ выбирать.

В: Немного о мотивации и положительных моментах профессии. «Возможность помогать людям» до сих пор является самой распространенной причиной быть удовлетворенным в работе среди журналистов. (Согласно социальным опросам). Как и «возможность влиять на общество» в головах первокурсников. Если честно, для меня эти причины — самые настоящие динозавры, в которых не то что сложно, а даже смешно верить. Как часто на самом деле в СМИ обращаются за помощью? Или освещение проблем ЖКХ полностью стало прерогативой телевизионщиков?

О: Если эти причины и динозавры, то из тех особей, которые выжили. Сначала люди пытаются решить свои проблемы сами, потом — через инстанции, где колесо бюрократии со скрипом откладывает дела на завтра. И все, что остается — идти к журналистам. Нас воспринимают как, своего рода, «раздавателей» пинков. Если мы соберем информацию по поводу, который принес человек, и опубликуем ее, дело пойдет в разы быстрее: так у нас чинят дороги, признают дома аварийными и расселяют из них людей, ищут пропавших родственников, заставляют привлечь внимание правоохранительных органов к деятельности фирм-мошенников, решают конфликты. И если ты возьмешь 1-2 повода от пары человек, поможешь им, помимо удовлетворения от проделанной работы, — а оно реально скрашивает стрессовые дни — получишь аудиторию, которая по сарафанному радио расскажет о тебе. Позднее к тебе придут и другие люди, которым нужна помощь.

В: И, конечно же, проблемы у всех разные. Наверняка, приходится и с достаточно слезливыми историями сталкиваться. Отсюда закономерный вопрос: в какой момент начинаешь строго делить «работу» и «личные сопереживания»? И вообще реально ли это отстраненное состояние, когда, в первую очередь, думаешь о материале, а не о том, как жалко героя сюжета и чем бы ему лучше помочь?

О: История истории разнь. И большую роль конкретно для меня играет рассказчик. Если человек пришел и заявил, что я должна помочь найти пропавшую родственницу, но при этом он не хочет отвечать на этот и на тот вопрос, а фотографии не дает, потому что «кто вас знает, куда сольете», хочется выругаться и выставить вон страдальца. Хотя, по факту, у человека-то горе — жена пропала. Но его подход настолько не располагает к ситуации, что действуешь в рамках привычных алгоритмов, когда пишешь о пропавшем. Таких людей, которые считают, что им должны, а они могут в ответ не подсобить адекватным ответом, — большинство. И это большинство закаляет журналиста, делает его если не безразличным к проблемам частных лиц, то уж точно спокойнее и уравновешеннее.

Многое зависит от масштабности истории, от человека, с которым разговариваешь, от обстоятельств, о которых он говорит. С момента, как стала работать по профессии, ни разу не плакала, прописывая разные ситуации, но раза три ком в горле стоял. И это произошло в результате переключения ролевой модели с «журналиста» на «человека». Чисто по-человечески мне было безумно жаль людей, с которыми я общалась по телефону, слышала, как они стойко отвечают на вопросы, а в итоге срываются и плачут как дети. И все, что тебе остается, — заверить, что напишешь, поможешь распространить информацию, поблагодарить за содействие и неловко произнести: «держитесь».

Что касается восприятия различных ситуаций, то у журналистов в базовых настройках стоит галочка напротив пункта «не принимать близко к сердцу». Она исчезает в тот момент, когда что-то пошло не так и история задела за живое. Но это редкость. Обычно работники СМИ могут спокойно есть и пить чай за компьютером, дописывая большой текст о жестоком убийстве. И, как бы цинично ни прозвучало, это нормально. Если хирург будет жалеть каждого, кого ему надо оперировать, а журналист плакать и переживать из-за ситуаций, происходящих каждый день, никаких нервов и сердца не хватит, чтобы дожить хотя бы до 35 лет. И если изначально ты, будучи сердобольным, приходишь в профессию, есть несколько путей: постоянно страдать, подпуская к себе чужую боль вплотную, и попутно раздражать этим качеством коллег; с самого начала перестраиваться на рельсы «мое и чужое», так будет

проще или же понять и принять, что это не твое и освободить место для человека, который не будет страдать от кошмаров после того, как стал свидетелем следственных действий.

В: Раз уж речь зашла о проблемных материалах. В прошлом году вы с коллегой выпустили два цикла историй: о школьной травле и ментальном насилии в семье. Как обычно находятся герои *таких* «историй» и насколько охотно ими делятся, когда просишь рассказать?

О: В какой-то момент мы сели и поняли, что нам не хватает человеческих историй. Не о том, как живет общество в целом, а об отдельно взятом человеке, в истории которого кто-нибудь обязательно разглядит себя, переосмыслит что-то и, возможно, даже найдет пути решения проблемы. Ментально травмированных людей гораздо больше, чем нам кажется. Мы просто огляделись по сторонам и начали с ближайшего окружения. В качестве примера, для того, чтобы дать полноценный старт этому делу, в одном из циклов я рассказала о своей ситуации.

Нам показалось, что это очень важно — говорить о людях не в процентах, как во всяких социологических исследованиях, а о частных случаях. И чувствуя этот настрой, интервьюируемые приходили к тому, что достать из своей ментальной шкатулки страхи и не самые приятные воспоминания — необходимо для них же самих. А мы, в свою очередь, очень четко следовали обещанию не раскрывать настоящие имена тех, кто открылся. Это словно обряд очищения, после которого становится легче.

В: Думаешь обо всех трудностях профессии, а затем читаешь о чем-то подобном, и чаша весов резко склоняется в сторону «просто попробуй, может, справишься». Ну а если отстраниться от всех плюсов и минусов и выделить факты. Что на самом деле тебе дала журналистика за годы работы? Помимо недосыпа и ненормированного графика сна и питания.

О: Пожалуй, это будет самый краткий ответ: хорошее портфолио, рост (как личностный, так и профессиональный), самореализацию и удовлетворение от того, что ты помог не одному десятку человек. Может прозвучать сопливо, но последнее — очень важно. Во-первых, эго чешет за ушком, а во-вторых, какой-то еле знакомый человек попросил у меня помощи, и я смогла ее оказать, разумеется, после того, как во всем разобралась. Дело не в том, что этот человек потом скажет: «Спасибо» (а иногда даже и этого не делают, но поскольку никто никому ничего не должен, это не беда), просто кому-то стало легче жить, потому что я сделала свою работу. Есть в этом что-то. Словно миссию выполнил и взял с полки пирожок.

В: На этом, собственно, и всё. Спасибо огромное за ответы. Ну, и что в принципе выделила для нас время.

О: Да не проблема. Вообще не за что.